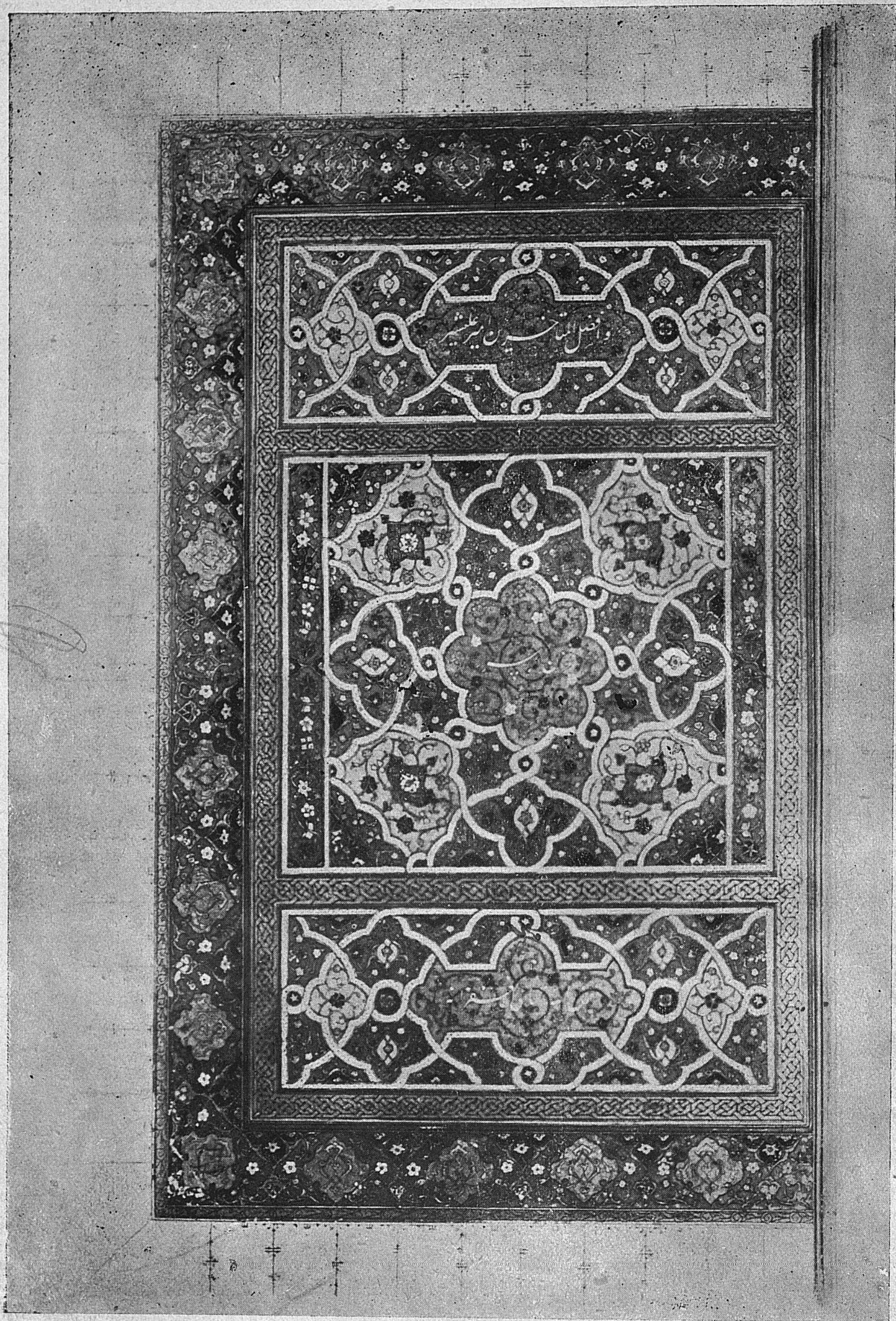

894.375.092

H 154

Алишер Навои

993

Заглавный лист поэмы „Махзан ал-асрар“ („Хайрат ал-абрар“). Рукопись XV в. Гос. Публ. библиотеки (Ленинград).

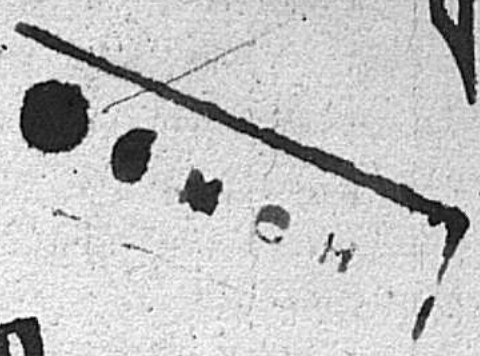
818,553 1894-375-082

Н-154.

9.4

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

альбом навои

СБОРНИК СТАТЕЙ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ЧЛ.-КОРР. АКАДЕМИИ НАУК УССР

А. К. БОРОВКОВА

655111

8772-28

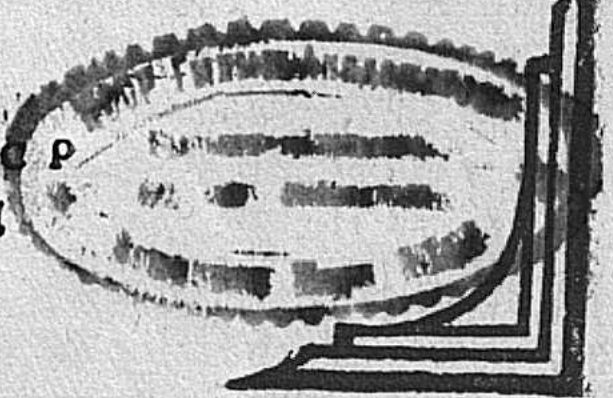
ПРОБЕРЬМО 1946

БИБЛИОТЕКА
ТуркГУ
Туркестан

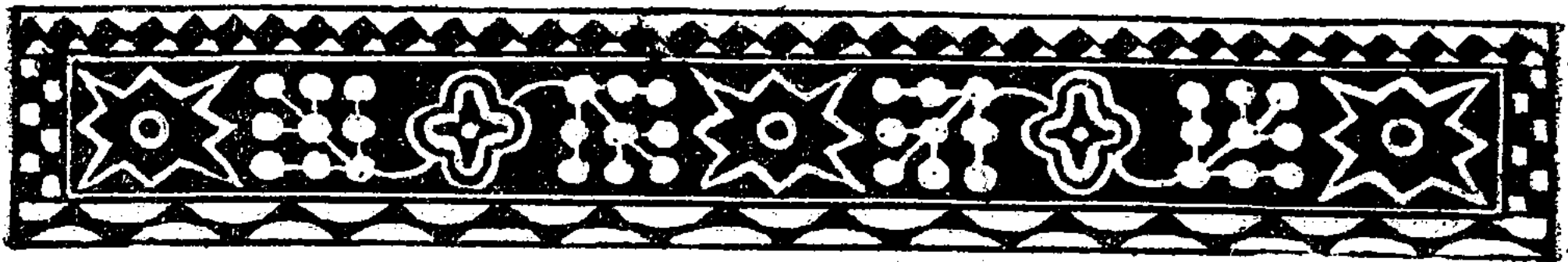
ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Академии Наук
СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1946 ЛЕНИНГРАД

52

Ответственный редактор
акад. В. В. Струве

ПРЕДИСЛОВИЕ

В феврале 1941 г. исполнилось 500 лет со дня рождения одного из крупнейших поэтов и государственных деятелей Средней Азии, родоначальника узбекской литературы Алишера Навои. Несмотря на исключительное значение творчества Навои для литератур Востока, старая наука для изучения его сделала крайне мало. На долю советской науки выпала ответственная задача восполнить этот пробел, исправить недочеты, которые были ранее допущены. Сложность этой задачи в значительной степени заключается в том, что при огромном количестве материалов, которыми мы располагаем, подавляющая часть их в научный обиход до сих пор вовлечена не была.

Достаточно указать, например, на то обстоятельство, что хотя литературные и научные произведения Навои дошли до нас полностью, причем зачастую в рукописях, переписанных еще при его жизни или вскоре после его смерти, мы до сих пор не имеем ни одного издания его произведений, которое могло бы быть названо критическим.

Это обстоятельство ставит исследователя в исключительно тяжелое положение, ибо всякая обобщающая работа при отсутствии надежной и твердой базы делается весьма затруднительной. Единственным выходом при настоящих условиях может быть только создание ряда монографических исследований, вводящих в оборот новый материал, уясняющих по мере возможности ту конкретную обстановку, в которой протекала жизнь и деятельность Навои.

На этот путь и стал Институт востоковедения при создании настоящего Сборника, не пытаясь, однако, разрешить все связанные с творчеством Навои вопросы. Такая попытка заранее была бы обречена на неудачу. Наша цель — осветить лишь некоторые стороны всего сложного комплекса, тем самым подготавливая почву для дальнейших исследований. Изучение литератур Востока в Советском Союзе достигло весьма значительных успехов. Мы выходим из стадии био-библиографических заметок по отдельным авторам, с которой так долго не могло сдвинуться востоковедение. Основной залог этих успехов — строго исторический подход к каждому отдельному автору, изучение его произведений в тесной связи с исторической и культурной обстановкой той эпохи, в которой он создавал эти произведения.

Все входящие в состав настоящего Сборника работы, в основном, стремятся осветить эпоху Навои, раскрыть картину культурной и литературной жизни того времени в засвидетельствованных источниками фактах. Жизнь литературных кругов Герата XV в. и роль, которую играл в них

1996
1481
555

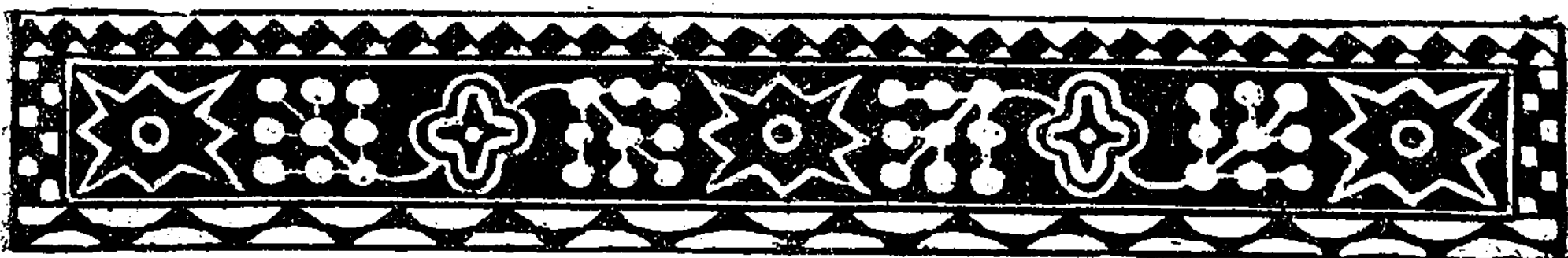
Навои, являются темами, с которыми так или иначе связаны почти все статьи Сборника.

Есть все основания думать, что при данных условиях Сборник является полезным вкладом в дело изучения Навои.

Предлагаемые здесь вниманию читателя исследования во всех затрагиваемых ими вопросах открывают новые стороны, до настоящего времени не освещавшиеся наукой. И если с их помощью такая огромная работа, как всестороннее освещение универсального гения Навои, сможет быть несколько продвинута вперед, если этот Сборник, как мы надеемся, окажется надежным помощником при всех дальнейших исследованиях, то тем самым он выполнит свое основное назначение и послужит на пользу великому делу освоения культурных ценностей, созданных братскими народами нашей великой Родины.

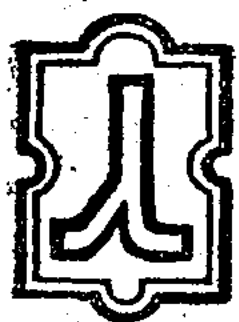
Сборник был закончен к 1940 г., однако в связи с обстоятельствами военного времени и блокадой Ленинграда, печатание Сборника было приостановлено. Ныне Сборник выходит без изменений, в том виде, в котором был подготовлен к 1941 г.

А. Ю. ЯКУБОВСКИЙ

ЧЕРТЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ЭПОХИ АЛИШЕРА НАВОИ¹

Личность поэта, художника, ученого нельзя оторвать от исторической среды, и чем богаче эта личность, чем больше она внесла ценного своей деятельностью, своим творчеством, тем крепче она связана с окружающим ее обществом, которое ее питает и на которое она, в свою очередь, прогрессивно воздействует. Понять и объяснить гения можно только при условии знания общества, из которого он вышел.

Мир Алишер Навои (1441—1501) жил и писал во второй половине XV в., когда культурным центром Тимуридов был Герат. В истории Средней Азии Тимуридская эпоха имеет исключительное значение. Это — время расцвета в ней феодального общества. В предшествующие века феодализм созрел медленно, иногда с большими перебоями, но никогда не получал такого классического выражения, как после Тимура (1370—1405), при его преемниках Тимуридах. Вся история XV в., если к ней подходить только с точки зрения гражданской, политической жизни, — это время борьбы сепаратистских феодальных сил против всякой попытки собрать воедино отдельные области в большое феодальное государство. Ни Шахруху на территории Ирана, ни его сыну Улугбеку в Мавераннахре не удалось сохранить того, что так блестяще провел в жизнь Тимур при построении государства сугубо феодального типа. Тимур начал свою политическую жизнь в условиях полной раздробленности, когда полукочевые, полуседлые беги, например, Баязед Джалаири ходжендский² или Хаджи Барлас шахрисябзский,³ дальше интересов своих мелких владений ничего не видели и до понятия феодального объединения и не доросли. Более того, кроме децентрализаторских феодальных сил внутри самого Мавераннахра, большой помехой для всякой попытки объединить страну была деятельность семиреченских моголов в лице хана Токлук Тимура и его сына Ильяса Хаджи.

Выйдя в качестве независимого правителя в 1370 г., после своей победы над Хусейном в Балхе, на политическую арену Средней Азии,

¹ Доклад, прочитанный на заседании I пленума Юбилейного комитета Навои в Ташкенте 21 III 1940.

² Низам-ад-дин Шами. Зафар-намэ. Изд. Тауег, Прага, 1937, персидск. текст, стр. 15 и след.

³ Там же.

Тимур сумел найти в лице народных масс и, в особенности, городского населения те силы, которые его поддерживали в стремлении объединить политически страну, потерявшую свою независимость, а вместе с государственностью со времени монгольского завоевания. Но сил, которые бы Тимуру сочувствовали, для осуществления феодального объединения было еще мало, нужна была такая политика, которая помогла бы привлечь всех тех, кто, сидя в своих туменах (вспомним хотя бы Кейхосроу — владельца Хутталяна), в любой момент мог пойти на измену и восстать против центральной власти. Эту политику Тимур и нашел в организации непрерывных грабительских походов на соседние богатые страны, в том числе и на Иран. Результатом этих походов были сильное обеднение покоренных областей и стран и искусственный подъем в самом Мавераннахре, особенно в столице государства — Самарканде. Пока были походы и добыча, а также твердая руководящая рука правителя и полководца, все беги и эмиры, все мелкие владельцы, приходящие со своими отрядами на службу Тимуру, повиновались ему, боялись и ценили его. Когда же он умер (1405), а вместе с его смертью прекратилось и последнее из его крупных военных предприятий — поход на Китай, то государство, на первый взгляд такое прочное, рассыпалось буквально в несколько месяцев.

Шахруху (1404—1447) не удалось, несмотря на все его победы, восстановить в целом государство Тимура. Фактически из единого государства образовалось два: Шахруха, с центром в Герате, и Улугбека (1409—1449), с центром в Самарканде. Оба правителя вели войны, но они носили другой характер, чем при Тимуре. Направлены они были не столько на завоевания новых областей, сколько на подчинение непокорных вассалов или оборону, или закрепление своего положения в стенах, как это было с Улугбеком. Не было уже прежней обстановки для успешного подчинения сепаратистских феодальных сил, да и сам Шахрух был настолько пропитан государственными представлениями феодальной эпохи, что считал возможным выделять отдельные феодальные княжества не только своим сыновьям,¹ но и внукам. Для одного из внуков, сына Байсункара — Султан-Мухаммеда, в 1442 г. Шахрух создал как бы отдельное государство, в состав которого, согласно Абд-ар-раззака Самарканди, входили Султания, Казвин, Рей и Кум с областями, а согласно Джа'фари — еще и Хамадан. Весьма характерно, что не прошло и 4 лет, как Шахрух в 1446 г. должен был отправиться в поход против Султан-Мухаммеда, ибо последний захватил Исфахан и осадил Шираз. В статье „Новый источник по истории Тимуридов“ В. В. Бартольд² объясняет, каким образом могло произойти непослушание внука. Султан-Мухаммед слишком много тратил; доходов не доставало на покрытие расходов; в поисках денег, чиновники „притесняли население“. Это вызывало недовольство. Султан-Мухаммед и задумал захватить соседние области, которые принадлежали другим членам Тимуридского дома. Решился же он на этот шаг потому, что в это время широко распространились слухи о болезни Шахруха и возможности его смерти. Успехи Султан-Мухаммеда одно время были настолько велики, что были люди, которые начинали думать, что Султан-Мухаммеду предстоит в ближайшее время возглавить Тимуридское государство.

¹ В. В. Бартольд. Новый источник по истории Тимуридов, ЗИВ, V, стр. 13. См. также об образовании этого феодального государства. В. В. Бартольд. Мир Али Шир и политическая жизнь. Сб. „Мир Али Шир“, Л., 1928, стр. 109.

² ЗИВ, V, стр. 16 и след.

История с Султан-Мухаммедом — яркий пример, иллюстрирующий самую суть структуры и судьбы феодального государства XV в. при Тимуридах. В цитируемой выше статье „Новый источник по истории Тимуридов“ В. В. Бартольд пишет: „Государство при Шахрухе еще располагало достаточной силой, чтобы в критические моменты наносить сокрушительные удары своим врагам, но совершенно не было в состоянии установить в стране сколько-нибудь прочный порядок, которым бы исключались или предупреждались кризисы“.¹

В. В. Бартольд сделал однажды замечательно меткое определение размеров власти восточного государя: „Если восточный государь имел возможность во всех, даже самых отдаленных, областях своего государства посредством словесных и письменных приказов, без применения военной силы, назначать и сменять наместников, то это считалось высшим торжеством монархического принципа, какое только возможно. Кроме назначения или низложения наместника, государь вмешивался в дела отдельной области только тогда, когда до него доходили жалобы на наместника или когда в области происходили смуты, с которыми наместник не мог справиться“.² Слова эти сказаны В. В. Бартольдом по поводу аббасидских халифов да еще в период их максимального могущества на грани VIII и IX вв., когда центральная власть, по сравнению с последующими веками, считалась сильной. Что же сказать об Иране и Средней Азии при Тимуридах и, в частности, при Шахрухе? Посланные в качестве правителей на места, члены Шахрухова дома не хотели считаться с отцом и дедом. Власть Шахруха при таком положении дел к концу его царствования не укреплялась, а ослаблялась. Естественно, что после его смерти (1447) и особенно после убийства Улугбека (1449) феодальная раздробленность достигает в Иране и отчасти в Средней Азии высшего своего предела при Тимуридах. В этом отношении очень характерны годы власти Абу-л-Касим Бабура в Герате и первые годы царствования Абу Са'ида (1451—1469), так называемые 50-е годы XV в.

Лучше всего описывает феодальную раздробленность Хорасана современник Шахруха и Абу Са'ида Абд-ар-раззак Самарканди. Приведу в пересказе эту поистине классическую картину.³ В Хорасане было в это время несколько падишахов, которые враждовали между собой. Мирза Джеханшах, падишах Азербайджана и обоих Ираков, захватил область, лежащую от Астрабада и до Себзевара. Мирза Султан Абу Са'ид, падишах Мавераннахра и Туркестана, сидел в Балхе. Мирза Алад-даула, вернувшись из Дешт-и-Кипчак и страны узбеков, находился в Абиверде... Султан Санджар имел резиденцией Мерв,⁴ а Мирза Шах-Махмуд пребывал в Тусе и районе крепости Имад. Малик Касим вместе с эмиром Халилем захватил Сеистан вплоть до области Фараха и г. Исфизара. „Самое удивительное то, что каждая из крепостей, которая находилась в той стране, была во владении какого-нибудь главаря: [так, Мауляна Ахмед Ясавул захватил крепость Ихтияр-ад-дин, ни на кого не обращал внимания; крепость Нерету досталась в руки Парка-монгола,

¹ В. В. Бартольд. Новый источник по истории Тимуридов, ЗИВ, V, стр. 20—21.

² В. В. Бартольд. К вопросу о франко-мусульманских отношениях. Хр. Восток. т. III, вып. 3, стр. 284—285.

³ Материалы по истории Туркмен и Туркмении, т. I, стр. 534.

⁴ Здесь имеется в виду Мерв, восстановленный Шахрухом в 1409 г. Теперь это — городище, известное в народе под именем Абдулла-хан-кала, хотя этот государь не имел отношения к его восстановлению.

крепость Серакса охранял эмир Абдаллах Пирзад; крепостью Су'лук обладал Худайдад, а крепостью Тебес владел эмир Увейс (сын) эмира Хаванд-шаха, и никто из них никому не подчинялся — подобные обстоятельства редко случаются".¹ Мавераннахр и Фергана в это время не переживали такого упадка феодальной государственности, хотя и там при Абу Са'иде происходила усиленная раздача уделов. Захир-ад-дин Бабур, рассказывая о своем отце Омар-шейхе, сыне Абу Са'ида, говорит, что он получил от последнего в удел Фергану. Кроме Ферганы, во владении Омар-шейха одно время были еще Ташкент и Сайрам. Если заняться специальной историей подобных уделов, можно проследить, как путем дарений, обменов, а чаще военных столкновений они растут или уменьшаются. В подобной политической обстановке, которая тяжелее всего сказывается на положении трудящегося населения и, прежде всего, крестьянства, приходится считать всякую серьезную попытку к политическому объединению страны фактом прогрессивным. Именно таким прогрессивным фактом мы должны признать и приход к власти в Герате Султан-Хусейна, до того казался бы обыкновенного, но счастливого феодального авантюриста, который вначале своей политической карьеры, конечно, совсем не думал, что ему придется занимать престол Шахруха в Герате около 40 лет.

В полном соответствии с феодальной структурой Тимуридского государства находилось и положение господствующего класса, высшим слоем которого были многочисленные члены Тимуридского дома в Иране и Средней Азии. При Тимуридах широко распространено было крупное феодальное землевладение, размеры которого иногда были очень велики. Читая исторические сочинения той эпохи — Хафиз-и-Абру, Абд-ар-раззака Самарканди, Мирхонда, Хондемира, Бабура и др., знакомясь с конкретной исторической средой, т. е. с отдельными людьми из господствующего класса, их жизнью и их делами, как они представлены в указанных сочинениях, можно изучить и их материальную базу. При Тимуридах распространен был особый тип земельного пожалования, суюргаль, в значении 'удела', 'лена'. В указанных источниках термин этот встречается не раз. Представители феодальной власти, повидимому, не только центральной, но и областной, выдавали в качестве суюргалья в наследственное владение земельные участки разных размеров, вплоть до целых административных округов.² Владелец такого суюргалья имел право распоряжаться всеми налогами, податями, повинностями по своему усмотрению. Если пожалование касалось административной единицы, то лицо, его получившее, имело право снимать и назначать чиновников, не заявляя об этом центральной власти. В 1490 г. в Балхе в качестве местного владельца сидел один из сыновей Султан-Хусейна — Ибрахим Хусейн. Однако сам он Балхом не правил и передал правление в руки Дервиш-Али — брата Алишера Навои.³ Ханы, султаны, эмиры выдавали особые

¹ Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, стр. 534.

² Как характерный пример можно привести упоминание Абд-ар-раззака, что Шахрух передал в суюргаль Мирзе Кайду Бахадру, сыну Мирзы Пир-Мухаммеда, области Кандахар и Афганистан, вплоть до границ Хиндустана. См.: Абд-ар-раззак Самарканди. *Notices et Extraits*, XIV. *Par Quatremère*, p. 296. Практика раздачи суюргалей в указанном смысле в Средней Азии началась значительно раньше. Уже в царствование Тимура (начиная с 80-х годов XIV в.) мы можем установить ряд подобных пожалований. См.: Низам-ад-дин Шами. *Zafarnama*. Изд. F. Taubert. Praha, 1937, стр. 77, 95, 97, 107 и др.

³ В. В. Бартольд. Мир Али Шир и политическая жизнь, стр. 147.

ярлыки, которые в письменном виде закрепляли право на пожалования. На суюргальной системе и покоилась раздача Шахрухом, Касимом Бабуром, Абу Са'идом или Султан-Хусейном целых округов и областей в феодальное владение сыновьям и внукам.

От пожалования типа суюргаль необходимо отличать тарханские грамоты, которые также широко практиковались при Тимуридах.¹ Под тарханством подразумевается освобождение данной земельной собственности от следуемых с нее платежей в пользу государственной казны. Сама тарханская грамота не предполагает пожалования земли. Последняя давно может находиться в собственности у лица, получающего тарханскую грамоту. Тарханство — это освобождение данной земли от всяких обязательств и только. Его может получить землевладелец, причем от обязательств освобожден он, а не сидящие на его земле земледельцы, которые попрежнему несут налоги и повинности, однако теперь не в государственную казну, а в карман землевладельца, получившего тарханскую грамоту. Может получить тарханскую грамоту и мелкий землевладелец, работающий сам на своем участке и никого не эксплуатирующий. Тарханские грамоты были широко распространены при Тимуридах. Многие придворные разных тимуридских домов, так же как сеиды и представители высшего духовенства, были тарханами. В указанных сочинениях лица с титулом тархан встречаются часто. Вспомним несколько лиц, имена которых приводятся в записках Захир-ад-дина Бабура, младшего современника Алишера Навои. Одно из этих лиц — Дервиш-Мухаммед-тархан, дядя по матери Султана Ахмеда Мирзы² — было покровителем Алишера Навои в годы его учения в Самарканде до 1469 г. Это был очень влиятельный и богатый человек. Титул тархана носил и Абд-ал-Али-тархан, близкий родственник Дервиш-Мухаммеда-тархана. При Султан-Ахмеде Мирзе он правил Бухарой и был одним из крупнейших земельных собственников. Принадлежавшие ему мазра'а (земельные участки, имения) находились в окрестностях Бухары и Самарканда. Это был влиятельнейший феодал. Бабур говорит о величии его двора, о празднествах, которые он устраивал, о публичных аудиенциях, о больших подарках, которые он делал, а вместе о насилиях и других пороках. Его двор, считая здесь, прежде всего, его военных слуг, исчислялся не меньше чем в 3000 чел.³

Образцом такой тарханской грамоты может служить грамота,⁴ выданная 28-го числа месяца Шавваля (11 V) 1469 г.⁵ маргинанскому вельможе⁶ Мир-Сейид-Ахмеду ферганским правителем Омар-шейхом Бахадуром сыном Абу Са'ида (1452—1469). Согласно грамоте, должностные лица Омар-шейха не имели права взимать с принадлежащего Мир-Сейиду

¹ Термины „тархан“ и „суюргаль“ встречаются рядом конечно, но как различные, в указе Султан-Хусейна, выданном им на имя поэта Абд-ар-рахмана Джами (А. А. Молчанов. К характеристике налоговой системы в Герате эпохи Алишера Навои. Родоначальник Узбекской литературы. Сборник статей об Алишере Навои, изд. УЗФАН, Ташкент, 1940, текст, стр. 148, и перевод, стр. 160).

² *Mém. de Baber, trad. par P. de Courteille, I, pp. 44—45.*

³ Там же, стр. 45.

⁴ Грамота получена В. В. Бартольдом в 1902 г. от бывшего казия Джан Хаджи в Маргелане (см. Туркестанские Ведомости, 1902 г. от 25 августа; см. также: П. Мелиоранский. Документ уйгурского письма султана Омар Шейха, ЗВО, XVI, стр. 01—012).

⁵ В тексте — год быка, определяемый П. Мелиоранским как 1469 г. (см. ук. соч., стр. 08).

⁶ Словом 'вельможа' П. Мелиоранский перевел термин „бузруг“ (см. ук. соч., стр. 010—011).

Ахмеду сада и двух кошлуков¹ земли никаких налогов. Кончается грамота указанием, что выдается она с тем, чтобы получатель ее сам пользовался бы своими доходами.² Грамота носит подтверждающий характер. Лицо, получившее тарханную грамоту, названо „бузруг“, каковое слово П. Мелиоранский (издатель грамоты) перевел „вельможа“. Надо думать, что освобожденной от податей или налогов была только часть имущества, ибо едва ли у Мир-Сейид-Ахмеда, кроме сада и двух кошлуков земли, не было другой земельной собственности.

Крупная земельная собственность, к тому же привилегированная, составляла материальную базу всех титулованных и нетитулованных феодалов — светских и духовных. Для второй половины XV в. особенно характерно развитие крупного духовного землевладения. Известно, что глава среднеазиатского суфизма Ходжа Убейдаллах Ахрар был одним из самых крупных земельных собственников при Тимуридах. Согласно автору „Рашахат айни-л-хайят“ (со слов Абд-ар-рахмана Джами), в собственности Ходжи Ахрара было до 1300 земельных участков,³ имений, причем некоторые из них равнялись 3000 джуфтов пашни. Если верить источнику, он вносил в казну упомянутого выше Султан-Ахмеда (1469—1494) одного ушра 80 000 манов зерна в самаркандской мере. Крупнейшим земельным собственником был и великий Мир Алишер Навои. О богатстве Алишера говорит Бабур.⁴ Он подчеркивает, что Алишер Навои не только не принимал ничего от Султан-Хусейна, но сам вносил ему каждый год определенную сумму денег.

Хондемир в „Книге благородных качеств“ („Макаримал-ахлак“), хвалебной биографии Алишера Навои, два раза упоминает о больших подарках, сделанных Алишером Навои Султан-Хусейну. В 904 (=1498/99) г. Навои в окрестностях Серакса 3 дня провел в ставке Султан-Хусейна. „За это время роздал царственные подарки и княжеские дары — быстроходных коней, вьючных верблюдов, бесподобные товары и несчетные деньги владыке, что Джемшиду подобен, высоко-станным царским сыновьям“.⁵

Однажды Алишер Навои подарил Султан-Хусейну, когда тот, возвратившись из Балха, отправился в Кандагар, 25 туманов серебра, 1000 манов шелку, 1000 харваров зерна и, сверх того, роздал родственникам и приближенным султана еще 10 0000 динаров.⁶ Подобные подарки Алишер Навои делал, по словам Хондемира, всякий раз, как Султан-Хусейн отправлялся в то или иное путешествие.⁷ Едва ли Хондемир здесь мог фантазировать или преувеличивать, ведь его книга была написана при жизни Султан-Хусейна и хорошо была ему известна. Земельные вла-

¹ Кошлуг-джуфтигау, т. е. количество земли, обрабатываемой в сезон парой быков. По определению В. П. Наливкина 9 десятин (Мелиоранский, ук. соч., стр. 06). А. А. Молчанов в упомянутой выше статье определяет джуфтигау в 6—7 га для земли под пшеницей и ячменем и в 2—3 га для земли под хлопком (стр. 166, прим. 27).

² Мелиоранский, ук. соч., стр. 04.

³ Ас-Сафи. Рашахат айни-л-хайят. Ташк. изд., стр. 243; изд. Лукнов, стр. 228.

⁴ The Bābar — pāta, By A. Beveridge, I p. 171.

⁵ М. Салье. „Книга благородных качеств“ и ее автор. Новые биографические материалы об Алишере Навои. Родоначальник узбекской литературы. Сборник статей об Алишере Навои, изд. УЗФАН, Ташкент, 1940, стр. 198.

⁶ Факты взяты из той же „Книги благородных качеств“ („Макаримал-ахлак“) в переводе М. Салье, однако из неопубликованной части, предоставленной мне Юбилейным комитетом Навои (л. 1716). В виду невозможности делать ссылки на рукопись перевода М. Салье (отсутствует точная ее пагинация), ссылки на листы фоторукописи текста, которые указаны в соответствующих листах перевода.

⁷ М. Салье, ук. соч.

дения Алишера Навои были разбросаны по всему Хорасану и северному Ирану. Хондемир рассказывает, что Беди'-аз-земану, сыну Султан-Хусейна, однажды очень понравилась в Астрабадской области деревня Хайрабад, принадлежавшая Алишеру Навои. Последний, узнав об этом, тотчас же подарил ее царевичу.¹ У Алишера было много амбаров с зерном. Одно из крупных хранилищ зерна имелось в Себзеваре.²

Вышеприведенных фактов достаточно, чтобы отнести Алишера Навои к числу богатейших людей своего времени.

Феодальная раздробленность содействует развитию множества феодальных дворов. При Тимуридах, смотревших на государство как на частную собственность их дома, было несколько больших и множество малых дворов. Два главных независимых друг от друга и часто враждебных центра — Султан-Ахмедовский Самарканд и Герат Султан-Хусейна — служили образцами, которым подражали менее значительные дворы. В Балхе, Мерве, Андижане, Ташкенте и других городах члены Тимуридского дома, сидевшие правителями, а фактически бывшие в них владетелями, в зависимости от находящихся в их распоряжении средств, всячески старались поднять богатство, военный авторитет и культурный уровень своего двора.

При дворах этих были те же должности и чины, что и в указанных центрах. От удельных владетелей в отдельные города направлялись, так же как и из центра, чиновники по сбору налогов, по администрации и т. д. Обилие фактического материала, разбросанного в источниках того времени, дает исследователю полную возможность изучить всю структуру феодальной государственности XV в. Историки СССР и, в частности, Средней Азии мало уделяли внимания вопросам изучения государства, в частности государства феодального, включая сюда и феодальное право. Вопросы эти ждут еще исследователя, и надо думать, что изучающий их на материале Тимуридской эпохи будет в более благоприятных условиях, чем на каком-нибудь другом участке средневековой истории Средней Азии. Захир-ад-дин Бабур в своих записках приводит немало интересных фактов из этой области. Будучи сам сыном одного из феодальных владетелей — Омар-шейха Мирзы, правившего Ферганой как уделом в системе среднеазиатского государства Султан-Ахмеда (1469—1494), Бабур ярко рисует окружающее его феодальное общество, одним из самых активных членов которого он был. Двор Омар-шейха Мирзы в описании Бабура — типичный двор феодального владетеля конца Тимуридской эпохи. У Омар-шейха одних эмиров было 13 человек. Это, главным образом, — высшие представители тюркской землевладельческой аристократии, из поколения в поколение служащей тому или иному владетелю из Тимуридов. Посмотрим, какие должности и чины имели место при дворе Омар-шейха в Андижане. Тут мы найдем: 1) должность заведующего всей дворцовой жизнью,³ то, что при феодальных французских дворах принято передавать *maitre du palais*. Такой глава дворца ведал всем его распорядком, будучи начальником

¹ М. Салье. „Книга благородных качеств“ и ее автор, перевод текста, стр. 206—207.

² М. Салье. Ук. соч., стр. 207.

³ Должность эту занимали Худай Берды Тимур-Таш, после его смерти должность перешла к Хафиз Мухаммед-бег Дулдаю (Mém. de Baber, trad. par P. de Courteille, I, pp. 25—27; The Bābar-nāma, by A. Beveridge, I, pp. 24—26).

над другими придворными чинами; 2) должность атабега,¹ воспитателя членов владетельного дома; 3) должность начальника военной стражи и войска;² 4) должность сокольничьего (кушчи);³ 5) должность конюшего⁴ и др. Я не ставлю себе задачи перечислить все должности и чины, которые могли быть и были при феодальных дворах второстепенных владетелей, каким был двор Омар-шейха в Андижане в царствование его брата Султан-Ахмеда. Важно показать, что его структура, одним словом его существо, такие же, как и самаркандского двора, владетелю которого он был подчинен. Характерно, что служба при феодальном дворе данному государю не обязательна. Тот или иной бег, будучи связан с каким-нибудь районом, скажем с Ферганой, происхождением, наличием в нем земельного имущества и т. д., предпочтет, конечно, служить при дворе правителя данного района, однако служба именно последнему не обязательна. Он может служить не ему, а другому соседнему правителю или владетелю. Хафиз Мухаммед-бег Дулдай, находившийся на службе у Омара-шейха в качестве *maitre du palais*, когда не поладил с андижанскими бегами, ушел на службу к Султан-Ахмеду. Слуги из среды господствующего класса отличались часто своеволием, отсутствием верности, склонны были к интригам и даже измене. Али Иезид-бег Кучин, один из эмиров, находящихся на службе у Омар-шейха Мирзы, два раза подымал мятеж против своего господина Омар-шейха: один раз в Ахси, другой — в Ташкенте.

Дворов, подобных андижанскому, было при Тимуридах в Хорасане и в Мавераннахре немало, и если мы позволили себе на нем остановиться, то потому, что он лучше отражен в источниках, а главное почти целиком является тюркским староузбекским двором и как таковой нам пригодится в ходе дальнейшего описания некоторых черт эпохи.

Известно, что все богатство господствующего класса феодального общества, светских и духовных феодалов, строится на изъятии путем принуждения огромной доли продукта, создаваемого трудом зависимого крестьянства. В условиях феодального общества на Востоке изъятие это происходит в огромной доле в пользу казны и правящей династии через чиновный аппарат. Мы не имеем возможности остановиться на положении крестьянства при Тимуридах, иначе как в самых общих чертах. К сожалению, крестьянство и его жизнь в XV в. мало отражены в повествовательных источниках Тимуридов. Документальные же материалы падают главным образом на XVI и последующие века. Наиболее интересным документом XV в., рисующим налоговую практику конца Тимуридской эпохи, а тем самым и повинности крестьян, является указ Султан-Хусейна, выданный Абд-ар-рахману Джамии и опубликованный в тексте и переводе А. А. Молчановым в статье „К характеристике налоговой системы в Герате эпохи Алишера Навои“.⁵ Но как ни скупы материалы XV в., все же в общих чертах положение крестьянства нам

¹ При дворе Омар-шейха атабегом был Шейх Мезид-бег (*Mém. de Baber, I, p. 27*). Шейх Мезид-бег был первым воспитателем Бабура (*Bābar-nāma, I, p. 26*). После смерти Шейха Мезид-бега воспитателем Бабура был назначен Баба Кули-бег (*Mém. de Baber, I, p. 29; Bābar-nāma, I, p. 27*).

² При Омар-шейхе одним из главных военачальников был Касим-бег Кучин. (*Mém. de Baber, I, p. 28; Bābar-nāma, I, pp. 26—27*).

³ При дворе Омар-шейха им был Али Дост Тагай (*Mém. de Baber, I, pp. 29—30; Bābar-nāma, I, p. 27*).

⁴ Им был Камбар Али (*Mém. de Baber, I, p. 31; Bābar-nāma, I, p. 15 б.*).

⁵ Родоначальник узбекской литературы. Сборник статей об Алишере Навои, изд. УЗФАН, Ташкент, 1940.

более или менее ясно. Со времен глубокой древности среднеазиатские земледельцы превращали кропотливым трудом мертвые пустынные земли, клочок за клочком, искусно проводя воду, — в цветущий сад. Хафиз-и-Абру в следующих выражениях описывает например Самаркандский район своего времени. „Вокруг Самарканда, в какую бы сторону ни отправиться на один или два месяца пути, нигде не осталось такого места, где путешественники были бы вынуждены провести в поле, хотя бы их было до 1000 всадников, для всех во все четыре времени года приготовлено помещение и вода“.¹

Каких бы крестьян мы ни взяли: сидящих на государственных землях или на землях частновладельческих (будь ли то земли хараджные или освобожденные от налогов), или, наконец, на вакфных; был ли это крестьянин, трудящийся на своей земле или работающий в качестве издольщика на чужой, — главная тяжесть его положения заключалась в том, что он отдавал в среднем от 3/10 до 4/10 всего урожая в виде хараджа в казну государства. В том случае, если тарханная грамота освобождала собственника земли от хараджа и других налогов, то это никак не касалось его, крестьянина. Налоги крестьянин продолжал платить, но только не в казну, а владельцу тарханной грамоты. Кроме хараджа на крестьянах лежали и другие виды налогов. Вышеупомянутый указ Султан-Хусейна, выданный Абд-ар-рахману Джами, перечисляет следующие налоги и повинности, от которых были освобождены земли последнего и которые фактически несли крестьяне, сидевшие на этих землях. Кроме обычного земельного налога مال, каковой термин заменяет здесь слово خراج, мы встречаем еще توجيهات خارجي в значении какой-то особой категории чрезвычайных налогов, عوارضات (‘чрезвычайные налоги’), سرشمار (‘подушный налог’), الاغ (‘повинность перевозочными средствами’) и بيگار (‘барщинные работы по требованию властей’). Кроме этих повинностей, крестьянам приходилось платить еще мелкие налоги на содержание различных чиновников. Не все эти налоговые термины могут быть теперь определены, хотя издатель указа и считает возможным дать каждому из терминов точный перевод. Налоги эти: ضابطانه (‘в пользу администрации забита’), صاحب جمعنه (‘налог в пользу составителей окладных листов’), داروغانه (‘в пользу мирабов’), ميرابانه (‘в пользу чиновников по учету урожая’), محصلانه (‘в пользу сборщика налогов’).² В мусульманском мире был обычай взимать харадж после жатвы, когда определялся урожай земледельца. Чиновники, по действующему почти всюду порядку, зорко следили за тем, чтобы крестьяне до выплаты государству причитающейся ему доли урожаем не пользовались. При Тимуридах, вследствие, повидимому, частых войн, которые им приходилось вести, началась очень тяжелая для крестьян практика взимания хараджа до жатвы. В истории Герата Му’ин-ад-дин Исфизари, составленной в 987 (=1491) г. имеется интересный рассказ о том, что в 865 (=1460) г. в Герат приехал из Самарканда к Абу Са’иду известный шейх Ходжа Убейдаллах Ахрар с просьбой отменить взимание хараджа до жатвы. Абу Са’ид, весьма почитавший Ходжу Ахрара, всегда желавший сделать ему приятное, просьбы его целиком не удовлетворил,

¹ В. Бартольд. Хафиз-и-Абру и его сочинения. Ал-Музаффарийя. Сборник статей учеников профессора барона В. Р. Розена, 1897, стр. 17.

² А. А. Молчанов. К характеристике налоговой системы в Герате эпохи Алишера Навои, текст, стр. 158—159, и перевод, стр. 160—161.

а лишь ограничил указанную практику, постановив, что в случае необходимости чиновники могут взимать до жатвы не более двух дангов хараджа, т. е. $2/6$.¹

Крестьянство страдало не только от налогов и тех чиновничьих злоупотреблений, которые были связаны с их взиманием. На крестьянстве сверх налогов лежали и повинности. При Тимуридах крестьяне отбывали барщину на различного рода работах как по требованию государственной власти, так и частных влиятельных лиц. В упомянутых выше „Рашахат айни-л-хайят“ имеется интересный рассказ, согласно которому Ходжа Убейдаллах Ахрар со своих земель, расположенных в районе Карши, собирал на ирригационные работы, главным образом на проведение каналов, с каждого джуфта земли по одному человеку, всего 3000 человек.² Известно, как правители широко использовали в принудительном порядке труд крестьян и отчасти ремесленников при постройках городских стен, мечетей, медресе, дворов и других зданий. По словам Хафиз-и-Абру, когда в Герате при Фахр-ад-дин Курте (1285—1307) строили крепость Ихтияр-ад-дин, то постройку ее провели на основе „бегара“, т. е. барщины.

Последние работы советских ученых показали, что крестьянские массы Средней Азии и Ирана часто восставали против своих угнетателей — феодальной власти, высшего мусульманского духовенства и светских феодалов. К сожалению, феодальные историки не очень любили писать о них, почему в нашем распоряжении сведений о них много меньше, чем о феодальных смутах в рядах господствующего класса. Как и в обстановке западноевропейского феодализма, крупные народные движения принимали оболочку еретических религиозных выступлений. Произошло такое большое движение и в государстве Тимуридов. В. В. Бартольд в посмертной статье „Новый источник по истории Тимуридов“ опубликовал весьма интересный текст автора источника „Дж'афари“ о восстании Муш'аши 845³ (=1441/42) г. в Хузистане с главными опорными пунктами в гг. Шустере, Джезаире (к ЮЗ от Шустера и Хувейзы). Восстание охватило широкие народные массы и шло под лозунгом крайнего шиитства, левые группы которого в те годы носили всегда широко демократический характер. Движение шло против феодальной власти и ислама. Число активных участников движения достигло до 10 000 человек. Одно время Муш'аша имел большой успех и разбил ширазское войско под властью шейх ал-ислама Абу-л-Хайр Джебери. Тимуриды сами не смогли справиться с Муш'ашей, почему представители высшего духовенства обратились за помощью к сыну Кара Юсуфа Исфенду туркменскому. Опасность успешной пропаганды идей Муш'аши среди народных масс была так велика, что соседний правитель, в целях классовой солидарности, не испросив даже разрешения законных правителей, вводит войска на территорию соседнего государства и подавляет восстание народа. Движение Муш'аши было и еще будет предметом специального исследования.⁴ Пока же мы можем целиком присоединиться к сле-

¹ Му'ин-ад-дин Исфизари. Рукоп. ИВ АН, С 474, л. 257.

² Ас-Сафи. Рашахат айни-л-хайят. Ташк. литограф. изд., стр. 243; изд. Лукнов, стр. 228.

³ В. В. Бартольд. Новый источник по истории Тимуридов, ЗИВ, V, 23 и след., а также стр. 21—22, где автор дает краткую характеристику движения.

⁴ В Энциклопедии Ислама, под словом *Musha'sha'*, имеется специальная статья В. Минорского. В статье В. Минорского раскрыта, главным образом, религиозная доктрина этого движения и политическая история самой династии Муш'аши.

дующим словам В. В. Бартольда: „Под знаменем религии произошло восстание неимущих против имущих“.¹

Позволим себе привести еще один факт из области народных восстаний. Первые годы царствования Султан-Хусейна (вступил на престол в 1469 г.) были для него весьма трудными. Особенно много хлопот создал ему эмир Мухаммед Ядгар. По словам Абд-ар-раззак Самарканди, эмиры и бахадурь один за другим со своими отрядами покидали Султан-Хусейна и переходили на сторону последнего. Пока Султан-Хусейн усмирал своих врагов, в Герате произошли следующие события. Ходжа Абдаллах Ахтаб сумел стать везиром и мушрифом вместо ходжи Кутб-ад-дина Тавуса, захватил у него 300 000 динаров и, вместе с одним из чиновников дивана ходжей Низам-ад-дином Бахтиар Семнани, наложил на население подымный налог и начал всеми правдами и неправдами утеснять народ законными и незаконными налогами. Дело дошло до того, что народ восстал в Герате против своих притеснителей. Люди схватились за копья и камни, напали на ненавистного ходжу Абдуллаха и разбили ему лицо. В Герате настали дни настоящего народного возмущения.² Султан-Хусейн, услышав об этих событиях, прекрасно понял, что в его положении необходимо решительно наказать чиновника и тем привлечь на свою сторону народные массы. В этом его особенно поддерживал бывший в это время в его лагере Алишер Навои. Султан-Хусейн понял также, что самое лучшее будет послать для расследования дела, наказания виновных и успокоения народа Алишера Навои, начавшего в те годы входить в популярность. Это был весьма разумный шаг. Алишер не только расследовал дело, но и разъяснил народу, что чиновники, действительно, виновны и что их постигнет заслуженная кара. В одно из пятничных молений он прочел султанский указ, и вскоре ходжа Низам-ад-дин был закован и наказан. Тогда же возвращен на старую должность мушрифа дивана отставленный прежде ходжа Кутб-ад-дин Тавус.

В. В. Бартольд в своей статье „Мир Али Шир и политическая жизнь“ несколько раз, правда очень кратко, останавливается на вопросе о значении влияния иранской культуры на тюрков и роли тюркского военного элемента в иранском мире.³ Проведя несколько глубоких и тонких замечаний, В. В. Бартольд обошел, однако, вопрос о том, каков был культурный уровень тюркской феодальной знати, с которой Мир Алишер Навои встречался в не меньшей мере, чем иранской. В. В. Бартольд в указанной статье пишет: „Турецкие владетели иранских областей оставались турками по языку, носили турецкие имена и титулы; турецкий язык даже получил распространение среди иранцев; возникали города с турецким населением, и эти города, сначала Кашгар, потом города Хорезма и местности по нижнему течению Сыр-дарьи, становились центрами литературных движений“.⁴ Культурный уровень староузбекского языка был в XV в. уже на большой высоте. Достаточно только двух таких фактов, как гениальные творения Алишера Навои и мемуары Захир-ад-дин Бабура, чтобы убедиться в этом. Нужно было пройти длительный путь развития, чтобы притти к вершинам языка Навои.

¹ В. В. Бартольд. Новый источник по истории Тимуридов, ЭИВ, V, стр. 22.

² Абд-ар-раззак Самарканди. Рукоп. ИВ АН, С 446, стр. 762. — Шарифутдинов. Алишер Навои, биографический очерк, 1939, стр. 24 (без ссылки на рукопись).

³ В. В. Бартольд. Мир Али Шир и политическая жизнь, стр. 103, 104 и сл.

⁴ В. В. Бартольд. Мир Али Шир, стр. 104.

Специалисты литературоведы утверждают, что язык Навои — в такой же мере плод утонченной городской культуры, в какой и результат соприкосновения поэта с народом и его словотворчеством. Наиболее тюркоязычной частью Узбекистана XV в. были Шаш и Фергана с ее тогдашней столицей Андижаном. Бабур в своих записках дает восторженную характеристику Ферганы и подробно останавливается на андижанском наречии, которое, по его мнению, отличается большими достоинствами.

Вот в пересказе эта характеристика. Население Андижана тюркское. Не встретишь никого в городе или на базаре, кто не знал бы тюркского языка. Разговорный язык тот же, что и литературный. Характерно, что сочинения Алишера Навои написаны на андижанском наречии, хотя он и жил в Герате.¹ Едва ли Бабур здесь что-нибудь преувеличил.

Староузбекская феодальная знать по культурному уровню в XV в. мало отличалась от иранской. Правда, она любила военное дело, в котором весьма преуспевала. Любила хороших коней, соколиную охоту, гоньбу голубей, козлодрание, бой петухов, перепелов и другие подобные развлечения. Тем не менее, по сравнению с иранской знатью, по крайней мере во второй половине XV в., она в культурном отношении не является отсталой и варварской, как может показаться при поверхностном или предвзятом подходе. Приведем несколько фактов, характеризующих культурный уровень лучшей части этой знати. Известно, что в Самарканде при Абу Са'иде, незадолго до прихода к власти Султан-Хусейна, т. е. до 1469 г., жил Алишер Навои. Он учился тогда у Ходжи Фазлулла Абу-л-Лейси, человека, знавшего арабский язык и фикх.² Тогда же ему большое покровительство оказывал Ахмед Хаджибег, сын Султан-Мелика Кашгари, тюрк по происхождению, человек очень культурный. При Абу Са'иде он был хакимом в Герате, потом переведен в Самарканд на место умершего Джанибега в качестве близкого султану придворного. Он любил лошадей, был их большим знатоком, сам выращивал их, отличался большой храбростью и вместе с тем любил поэзию и носил поэтическое имя Вефай. Он составил диван стихов, о которых Бабур пишет, что они были совсем недурны.³ Мир Алишер упоминает его в своем „Маджалисе“ и говорит, что он был полновластным правителем Самарканда в отсутствие Абу Са'ида, где и выстроил медресе.⁴

Хасан Али Джалаир был при дворе Султан-Хусейна кушбеги. Как политическая фигура ничего собой не представлял, любил поесть, играть в нарды. После взятия Бабуrom Самарканда в 917 (=1511) г. он перешел на службу к последнему. Хасан Али Джалаир, по словам Бабуринама, был большим мастером касыд, в написании которых не имел себе соперников.⁵ Сначала свои касыды он писал в честь Султан-Хусейна, а потом в честь нового господина и покровителя — Захир-ад-дин Бабура. Поэтическим прозвищем Хасан Али Джалаира было Туфейли. Интересным с нашей точки зрения является также фигура Мирзы Ахмеда Али Фариси Барласа. Он не был поэтом и не составлял поэтических диванов, однако был большим ценителем поэзии, и с его мнением очень считались.⁶ Был он человеком тонкого вкуса и больших знаний в лите-

¹ Мém. de Baber, I, p. 3.

² В. В. Бартольд. Мир Али Шир, стр. 127.

³ Мém. de Baber, I, pp. 43—44; Babar-nāma, I, pp. 37—38.

⁴ В. В. Бартольд. Мир Али Шир, стр. 127.

⁵ Мém. de Baber, I, p. 394.

⁶ Мém. de Baber, I, pp. 386—387.

ратуре. Среди придворных Султан-Хусейна был некий Сейид-Хасан Оглакчи, он имел сына, прозванного Мирза Фаррух. После взятия Бабуром в 1511 г. Самарканда он поступил к нему на службу. Мирза Фаррух был сведущ в астрономии, что для гератской среды не было обычным фактом, и умел хорошо обращаться с астролябией. Вместе с тем, он очень неплохо писал стихи, хотя их у него было немного.¹ Кстати, его родственник Сейид-Юсуф Оглакчи служил при дворе Султан-Ахмеда в Самарканде. Сейид-Юсуф прекрасно играл на копузе² и считался выдающимся музыкантом.³ Оба брата принадлежали к потомственной придворной среде.

Отец Сейид-Юсуфа Оглакчи выдвинулся при Улугбеке и был в числе уважаемых им лиц. Имел большую склонность и способность к музыке и к поэзии и был одним из приближенных бегов Султан-Ахмеда Дервиш-бега. По словам Бабура, он обладал большим исполнительским талантом и, кроме того, природными способностями к поэзии.⁴ Одним из сподвижников Султан-Хусейна и в то же время родственником Алишера Навои был Мир Сейид, или Сейид Ака.⁵ Это был очень преданный Султан-Хусейну человек, оказавший много услуг последнему в годы его политических авантур до воцарения в Герате. Он писал стихи на тюркском (староузбекском) языке и носил поэтическое прозвище Кабули. Его младший брат Мухаммед Али, под именем Гариби, в культурном отношении был еще более разносторонним человеком. В нем поэт, писавший на староузбекском языке, сочетался с каллиграфом и музыкантом.⁶ В заключение следует вспомнить Хайдера, сына Сейид Ака, носящего поэтическое имя Сабухи. Он умел сочетать в себе воина с большим интересом к науке и способностями в поэзии. Это тот самый Хайдер, которого Султан-Хусейн в конце жизни Мир Алишера предал казни.⁷ Мы могли бы список культурных людей в среде феодальной тюркской (староузбекской) знати значительно увеличить, однако и приведенных примеров достаточно, чтобы сделать вывод, что тюркские (староузбекские) элементы в составе феодальной придворной среды Тимуридской эпохи не занимали положения людей, культурно стоящих ниже иранцев.

Выявляя все эти черты, нам менее всего хотелось бы породить впечатление какой-либо идеализации феодальных верхов тогдашнего общества в его тюркском участке. Наряду с культурными людьми были грубые, необразованные придворные. Они настолько общеизвестны, что нет смысла на них останавливаться. Повторяем, задача нашего экскурса в область культурного состояния тюркской знати заключалась только в том, чтобы на фактах показать, что староузбекская феодальная среда давно уже усвоила иранское культурное наследие, внося в него с своей стороны много ценного. Без учета этого обстоятельства трудно будет понять самый факт появления крупнейшего ученого астронома своего времени в лице Мирзы Улугбека. Нам представляется, что Улугбек — не случайное явление, а закономерный факт в обстановке того времени. В. В. Бартольд в своем известном труде „Улугбек и его время“ пишет

¹ Мém. de Baber, I, p. 395—396.

² Копуз — трехструнный музыкальный инструмент.

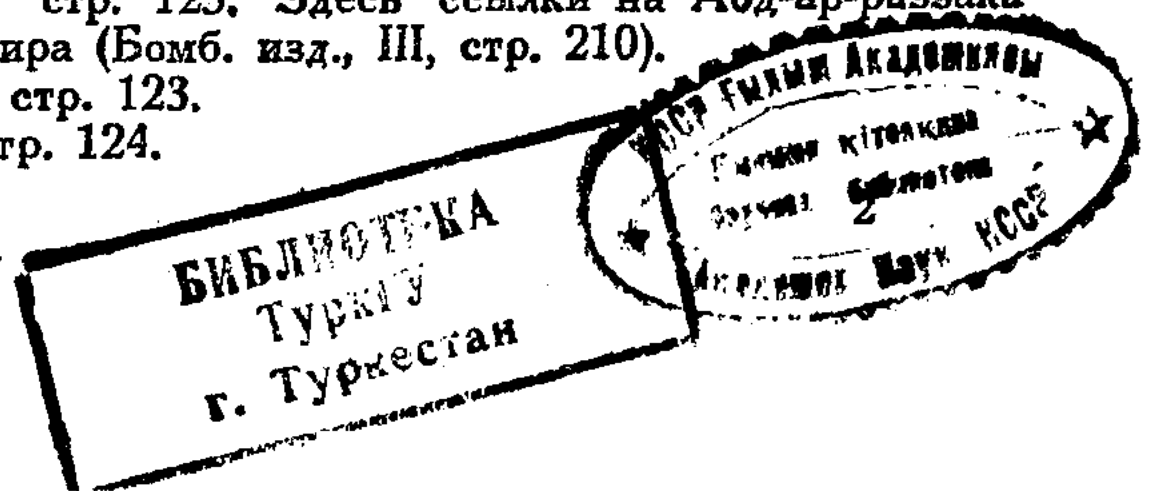
³ Мém. de Baber, I, p. 46.

⁴ Мém. de Baber, I, p. 46.

⁵ В. В. Бартольд. Мир Али Шир, стр. 123. Здесь ссылки на Абд-ар-раззака (рукоп. АГУ, № 157, л. 3276) и на Хондемира (Бомб. изд., III, стр. 210).

⁶ В. В. Бартольд. Мир Али Шир, стр. 123.

⁷ В. В. Бартольд. Мир Али Шир, стр. 124.

665211

„Монгольские ханы поощряли точные науки вследствие их практического значения; Улугбек, сын более культурной эпохи, видел преимущества и перед богословием и литературой в том, что выводы точных наук сохраняют значение для всех времен и народов независимо от исчезновения религий и языков“.¹ Остается безусловно примечательным фактом, что Улугбек в одно и то же время строил в Самарканде медресе на Регистане и обсерваторию на одном из холмов вблизи арыка Об-и-Рахмат. Оба эти здания построены в одно и то же время не случайно. Для Улугбека обсерватория и медресе тесно связаны между собой. Считаю необходимым обратить внимание на одну весьма существенную особенность изразцовой декорировки портала улугбековского медресе. До наших дней хорошо сохранились выложенные поливными изразцами тимпаны портала с изображением звездного неба. Едва ли можно сомневаться, что главный архитектор и мастера по выкладке художественных композиций из изразцов выполняли здесь замысел самого Улугбека. Изображением звездного неба на портале здания он как бы хотел подчеркнуть, что медресе — не только место преподавания высших богословских дисциплин, но и наук точных, в том числе и астрономии.

Здесь мы имеем, как нам представляется, тот случай, когда вещественный памятник восполняет в качестве источника недочет письменных известий. В своем „Улугбеке“ В. В. Бартольд определенно склоняется к мысли, что в медресе, кроме богословских наук, читали при Улугбеке и точные науки, в частности астрономию, хотя прямых указаний в письменных источниках XV в. и не имеется. Если бы В. В. Бартольд изучил изразцовую декорировку портала медресе Улугбека, то он с большей категоричностью поддержал бы свое положение. Насколько Мирза Улугбек любил свою науку, видно также и из того факта, что он был автором известных на Востоке долгое время после его смерти „Астрономических таблиц“, над составлением и окончательным редактированием которых он работал почти все время своего правления (1409—1449).²

Обсерватория Улугбека была возведена весьма своевременно, ибо лучшая обсерватория на Переднеазиатском Востоке, выстроенная в 1259 г. в Мераге Насир-ад-дином Туси, по словам Хамдаллаха Казвини в его время (1339) лежала уже в развалинах. Как бы ни были проникнуты точные науки XV в. на востоке началами александризма, т. е. как бы они ни были лишены дальнейших (по сравнению с XIV и предшествующими веками) творческих исканий, астрономическая работа в Самарканде имела большое прогрессивное значение. Улугбек собрал у себя лучшие астрономические силы: Казы-задэ Руми, Гияс-ад-дин Джемшида и Али-ад-дина ибн Мухаммеда, известного под его придворным чином „кушчи“ (сокольничий). Обсерватория вела наблюдения весьма точно для своего времени. Улугбек определил широту самаркандской обсерватории в $39^{\circ} 37''$, астроном Струве уточнил определение до $39^{\circ} 50''$. Таким образом Улугбек ошибся меньше, чем на две минуты.³ Захир-ад-дин Бабур,

¹ В. В. Бартольд. Улугбек и его время, стр. 107. Там же ссылка на d'Oleugbeg. *Prolegomenes...* Ed. Sédillot, texte, p. 4.

² Согласно Sédillot, таблицы Улугбека были закончены в 1437 г., однако Улугбек и позже, до самой смерти, работал над ними. Этим указанием Sédillot воспользовался и В. В. Бартольд (см. Улугбек и его время, стр. 110).

³ На этот факт мое внимание любезно обратил акад. И. Ю. Крачковский (См.: Carl Schoy. *The Geography of the Moslems of the Middle Ages. Geogr. Rev., New York, April, 1924, p. 269*)

описывая Самарканд своего времени, с особым уважением относится к обсерватории и астрономическим таблицам Улугбека.¹

Насколько широко при Улугбеке поощрялись темы математико-астрономического характера, — видно из следующего факта. Как-то на медресе Улугбека читали касыду Али Аухад-ад-дина Энвери в честь Пирузшаха. Когда чтец прочел стих 56: „Да пребудет он такую продолжительность, в отдельных годах которой — часы считают в тысячи „дверанов“, перед слушателями встал вопрос: сколько же это получится? Никто, кроме Улугбека, не смог сосчитать быстро и точно. Цифра получилась чрезвычайно большой.²

Передовые взгляды Улугбека видны и в его отношении к женщине. В Бухаре сохранилось, как известно, медресе, выстроенное по приказу Улугбека. На дверях, сделанных еще при нем, резьбой по дереву в верхней части имеется замечательная надпись *طلب العلم فريضة* (Стремление к знанию есть обязанность каждого мусульманина и каждой мусульманки).³ Нельзя, конечно, в XV в. относить прогрессивное отношение Улугбека к женщине только за счет одних высоких качеств его личности. Нужно помнить, что монгольско-тюркская среда ставила женщину выше, чем современная ей иранская и арабская. В недавно опубликованной статье из архива В. В. Бартольда „Первоначальный ислам и женщина“⁴ он приводит ряд примеров высокого положения женщины у тюркских народов, начиная с орхонских надписей VIII в. и до XV в. Еще больше подобных фактов можно привести из жизни монгольских государств и особенно Золотой Орды.⁵ По словам В. В. Бартольда, „как показывают женские образы в народной «Книге о Коркуде», составленной, вероятно, в XV в. в восточной части Малой Азии, женщина в народном, или, по крайней мере, богатырском быту занимала место рядом с мужчиной даже в военных делах“.⁶ Но как бы то ни было, учитывая благоприятные условия XV в., все же остается примечательным фактом правления Улугбека, что именно по его предложению на дверях медресе была сделана такая надпись, которая абсолютно немыслима в XVIII или XIX в., в обстановке мракобесия бухарских мусульманских авторитетов.⁷ В своей работе „Улугбек и его время“ В. В. Бартольд достаточно подробно остановился на культурной жизни улугбековского двора, и в мою задачу не входит повторять хорошо известные факты. Если мы себе позволили остановиться кратко на увлечении Улугбека точным знанием, то только желая подчеркнуть огромное значение в культурной жизни Тимуридов улугбековского Самарканда. Все же остается фактом, что в области светской науки для XV в. мы не найдем на Востоке города, равного Самарканду Улугбека, так же как Самарканд этого времени остается непревзойденным в области архитектуры и изразцового ее убранства.

Имея много достоинств, книга В. В. Бартольда об Улугбеке заключает в себе и некоторые недочеты. В. В. Бартольд увлекся противопоставлением веселой придворной жизни Самарканда с ее пирами, охотами,

¹ Мém. de Baber, pp. 100—101.

² В. А. Жуковский. Али Аухад-ад-дин Энвери. См. Комментарии Тадж-и Сальмани, стр. 24—25. Этот факт мне был любезно указан А. Н. Болдыревым.

³ В. В. Бартольд. Улугбек и его время, стр. 99.

⁴ Историк-Марксист, №№ 5—6, 1939, стр. 237—239.

⁵ А. Ю. Якубовский. Золотая Орда, стр. 91 и сл.

⁶ Историк-Марксист, №№ 5—6, 1939, стр. 239.

⁷ Историк-Марксист, №№ 5—6, стр. 239.

музыкой, танцами ригоризму и показному благочестию двора Шахруха в Герате, и это увлечение привело к некоторому искривлению в изображении действительности. Человек, недостаточно знающий Герат при Шахрухе, сможет подумать, что культурная жизнь во второй тимуридской столице не представляла собой ничего интересного и что, в противоположность Самарканду, Герат был центром культурного мракобесия. Такое впечатление может получиться у читателя в виду односторонности нарисованной им картины. Герат и при Шахрухе был крупным культурным центром Тимуридов, однако культурные интересы шли здесь в другом направлении. Герат, в целом, был чужд увлечений точными знаниями, особенно астрономией. Зато в нем сильны были интересы к литературе, миниатюрной живописи и каллиграфии. Шахрух не был ярким человеком, скорее был посредственностью и как политик и как культурный человек. Не случайно при нем такую большую роль играла его жена Гаухар Шад. То, чего был лишен Шахрух, имелось у его сыновей — Улугбека и Байсункара (ум. в 1433 г.). Последний жил при отце в Герате и уже в молодые годы стал одним из наиболее влиятельных политических деятелей в 20-х годах XV в. Исполняя в Герате должность везира, Байсункар занимался не только административными делами, наводил порядки в финансовом ведомстве и укрощал хищническое своеволие крупных чиновников государства, но и находил достаточно времени для культурной работы в области литературы и изобразительных искусств. Благодаря его знанию и вкусу, при дворе в Герате была устроена прекрасная китаб-хана, в которой группировалось немалое число каллиграфов, миниатюристов, позолотчиков, переплетчиков, в том числе и филологов. В китаб-хана не только переписывали и украшали рукописи, но и занимались настоящей филологической текстологической работой. Здесь в эти годы при деятельном влиянии Байсункара был составлен сводный текст знаменитого эпоса Фердоуси — „Шахнамэ“. Отсюда же вышли и экземпляры „Шахнамэ“, украшенные замечательными миниатюрами, в том числе и экземпляр 1430 г., ныне принадлежащий Тегеранскому музею и хорошо известный специалистам благодаря тому, что он побывал на выставке II Международного конгресса по иранскому искусству в Лондоне 1931 г. и выставке III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии в Ленинграде в 1935 г.

Нам представляется, что исследователи вопросов истории изобразительного искусства, в частности живописи, недооценивают роли Самарканда времени Тимура, Улугбека и Абу Са'ида. В книжке Б. Денике — „Живопись Ирана“, проводится мысль, что Гератская школа миниатюрной живописи, развившаяся уже при Шахрухе и Байсункаре в первой половине XV в. и достигшая блестящего расцвета в эпоху Алишера Навои, сложилась, главным образом, под воздействием Шираза и его мастеров. Б. П. Денике со всей категоричностью говорит: „Новый стиль, сложившийся на рубеже XIV—XV вв. в Ширазе, вскоре перешел в Герат, куда при Шахрухе и Байсункаре, между 1397 и 1420 гг., переехало столько выдающихся художников“.¹ В другом месте своей работы автор, как бы предвидя вопрос о роли Самарканда в развитии иранской миниатюры, пишет: „Выясняется теперь, что Гератская школа начинает играть заметную роль с первых десятилетий XV в., а в XIV в. значительную роль играл Шираз, и что Самарканд, где в конце XIV в.

¹ Б. Денике. Живопись Ирана. Изд. Искусство, М., 1938, стр. 74.

происходила большая строительная деятельность, в истории живописи, повидимому, не играл заметной роли".¹ Нельзя отрицать доли истины в словах Б. П. Денике.

Но вопрос о степени развития живописного искусства в Самарканде, так же как и степени его влияния на Герат, остается совершенно еще нерешенным и ждущим своего исследователя.

Примечательной чертой культурной жизни в Герате при Шахрухе были и посольства в Китай и Индию с целями культурного, а не только торгового общения.

О посольстве в Китай в 823 г. х. (=1420 г. х. э.) подробно рассказывает Хафиз-и-Абру.² В течение 820—823 (=1417—1420) гг. из Китая прибыло к Тимуридам несколько китайских посольств торгового и политического характера. Посольства эти не ограничивались приемом в Герате и, с разрешения Шахруха, в лице отдельных делегаций, побывали в Ширазе у Мирзы Ибрахим Султана, в Хорезме у эмира Шах-Мелика и других местах. В 823 (=1420) г. Шахрух отправил ответное посольство в Китай, причем, в полном соответствии со структурой тимуридского государства, в организации посольства приняли участие наиболее крупные члены дома Тимуридов и отдельные правители. Так, Шахрух отправил эмира Шади-ходжу; Мирза Байсункар — Султан-Ахмеда и наккаша (художника) ходжу Гияс-ад-дина;³ Мирза Ибрахим — Султан-эмира Хасана и Пехлеван Джемала; Мирза Суюргатмыш — Аргадака; эмир Шах-Малик — Ардавана, и владетель — шах Бадахшана — ходжу Тадж-ад-дина.⁴

В этом списке бросается в глаза весьма любопытная деталь. Байсункар посылает со своей стороны художника ходжу Гияс-ад-дина. Посылкой этого лица он как бы подчеркивает одну из задач посольства — знакомство с художественной жизнью Китая, главным образом китайской столицы. Описание путешествия посольства в Китай, сделанное Гияс-ад-дином в том виде, как оно дано в обработке Хафиз-и-Абру, обстоятельно и интересно. Последний рисует не только состояние культурной жизни на пути послов из Герата в Китай, организацию почты, придворную обстановку в последнем, но и дает некоторый материал для суждения о музыке и живописи китайцев.

К сожалению, послы большую часть времени провели в обстановке придворных приемов и видели, главным образом, официальную и к тому же парадную сторону жизни. Художественные ремесла китайцев очень высоко расценивались даже в таких культурных странах, как Иран и Средняя Азия. Хафиз-и-Абру, на основании материалов посольства,

¹ Указ. соч., стр. 64.

² Хафиз-и-Абру использовал дневник участника и члена посольства Гияс-ад-дина-наккаша (художника). В обработанном виде дневник этот был включен Хафиз-и-Абру во вторую часть четвертого тома „Зубдат ат-таварих“ (точнее „Маджма ат-таварих“), посвященную царствованию Шахруха (1404—1447). В 1934 г. отрывок из Хафиз-и-Абру, посвященный описанию этого посольства, был издан вместе с английским переводом под заглавием „A Persian Embassy to China being an extract from Zubdat ul Tawarikh of Hafiz Abri. Translated by K. M. Maitra, M. A. prof. of Persian Dyal Singh College, Lahore“. Абд-ар-раззак Самарканди, как известно, включил в свой труд „Матла'а-ас-са'даин“ из Хафиз-и-Абру все описание событий царствования Шахруха до 1425 г. В несколько сокращенном виде там помещено было и упомянутое выше описание посольства в Китае. Описание это издал, вместе с французским переводом, Quatremère в „Notices et Extraits“ (XIV).

³ Hafiz Abri. A Persian Embassy to China, указ. изд.

⁴ Hafiz Abri, ук. соч., стр. 8—9. — Абд-ар-раззак Самарканди. Notices et Extraits, XIV. Par Quatremère, p. 306.

говорит, что в обработке камня, в столярных изделиях, в изготовлении предметов из глины, в приготовлении кирпича никто не мог соперничать с китайцами.¹ Не надо забывать, что это говорит человек, который у себя на родине видел исключительные образцы художественных изделий этого рода. Из описания Хафиз-и-Абру ярко выступает, что китайский император и его двор как и в предшествующие века, вплоть до глубокой древности (II в. до х. э.) больше всего интересуются конями² из Средней Азии и восточного Ирана.

Другое посольство, представляющее, с нашей точки зрения, большой интерес, было отправлено в конце царствования Шахруха в Индию в 845 (= 1441/42) г. На этот раз во главе посольства отправлен был историк Абд-ар-раззак Самарканди. Путешествие последнего в Индию привело к установлению дипломатических отношений между Шахрухом и государем Биджингара, который отправил в Герат ответное посольство. Описание Абд-ар-раззак совершенного им путешествия по Индии через Керман, Ормуз и Персидский залив, включенное в его историческое сочинение „Матла'ас-са'дайн“, расширяло географические представления тогдашнего образованного общества и, с этой точки зрения, имело большую культурную ценность.

Всего вышесказанного достаточно, чтобы понять, где надо искать исторические корни того блестящего расцвета феодальной культуры, который имел место в Герате при жизни Алишер Навои. Герат второй половины XV в. теснейшим образом связан с культурной жизнью Герата — Шахруха и Байсункара и Самарканда — Улугбека. Однако судьбы этих двух Тимуридских столиц были различны. Самарканд после смерти Улугбека начал утрачивать свое культурное значение, все больше уступая в этом отношении место Герату. Упадок культурной жизни шел медленно, но верно. Если Герат, начиная с 70-годов XV в., имел своего доброго гения в лице культурнейшего человека своей эпохи — Алишера Навои, то Самарканд имел своего злого гения в лице шейха Ходжи Убейдаллаха Ахрара. Только путем внимательного изучения положения народных масс при Улугбеке можно будет понять успехи, которые были сделаны этим человеком в деле привлечения многих слоев народа в деревне и городе на сторону среднеазиатского дервишизма, тесно тогда связанного с самыми реакционными кругами мусульманского духовенства. В лице Ходжи Ахрара под маской нарцодобия, заботы о бедных, показного заступничества за несправедливо страдающих и т. д. зрел настоящий стяжатель, крупнейший богач и землевладелец, эксплуататор-хищник, какого только знала история Средней Азии.

Одним из главных положений этого невежественного, но влиятельного политика была сознательная проповедь мракобесия, полное отрицание ценностей, которые дает знание. Впрочем, это не помешало ему в 1490 г. обратиться лично к Алишеру Навои с просьбой прислать ему в Самарканд из Герата хорошего врача, т. е. представителя науки, который бы вылечил его от какой-то тяжелой болезни.³ Не подлежит сомнению, что именно Ходжа Убейдаллах Ахрар руководил Абу-

¹ Hafiz Abri, ук. изд., стр. 69, 86. — Абд-ар-раззак, изд. Quatremère, перс. текст, стр. 330, и перевод, стр. 413.

² Hafiz Abri, ук. соч. — Абд-ар-раззак, ук. изд., перс. текст, стр. 332—333, и перевод, стр. 416.

³ В. В. Бартольд. Мир Али Шир и политическая жизнь, стр. 130—131.